

Шейшекеева Г.М.

**МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ СВЯЗИ НАСЕЛЕНИЯ КЫРГЫЗСТАНА В ПЕРИОД
ГОСПОДСТВА КОКАНДСКОГО ХАНСТВА**

G.M. Sheishekeeva

**INTERETHNIC RELATIONS IN KYRGYZSTAN DURING THE RULE
OF THE KOKAND KHANATE**

УДК:958/42

Кокандское ханство не установило в Киргизии твердой административной системы. В связи с перекочевкой киргизов административно-политическое разделение менялось и запутывалось, вследствие этого часто происходили стычки между сборщиками зякета отдельных округов.

В военных укреплениях, воздвигнутых на кочевьях киргизов, стояли кокандские гарнизоны, силой оружия поддерживавшие господство кокандского хана над киргизскими племенами. Крепости были местом пребывания и кокандских наместников, которые имели высшую власть над всем населением, находящимся в ведении этой крепости. Власть на местах была в руках отдельных представителей киргизской родо-племенной знати - биев - и примерно с середины XIX в. - манапов, которые были зависимы от наместников кокандского хана и являлись непосредственными исполнителями ханской власти.

У киргизов не было никакого писаного закона, все основывалось на допотопных «адасте», «шариате», толковавшихся феодально-родовой знатью по своему усмотрению. Получивший некоторое распространение среди киргизов «шариат» также являлся оружием для защиты интересов господствовавшей феодальной верхушки, мусульманского духовенства и ханской власти. Но ни разорительные набеги, ни господство завоевателей не смогли заставить слиться с чужеземными захватчиками киргизскую народность. Она продолжала существовать и жить своей собственной жизнью.

Ключевые слова: история, этнос, эксплуатация, угнетение, население, миграция, борьба.

Kokand empire has not installed in Kyrgyzstan hard administrative system. In connection with rovekyrgyz administrative-political division was changed and for entangle, hereupon often occurred the clashes between picker imposition separate county.

In military fortifications, erected on migration kyrgyz, stood the Kokand garrisons, power of the weapon supported mastery Kokand king on kyrgyztribes. The fortresses were a revenge of stay and Kokand deputy, who had a high power on all population, residing in conduct of this fortresses. The power on places was in hand of the separate representatives kyrgyz sort-tribal know; aware - beaten - and approximatively with mediums XIX a.- rich mans, which were a dependent Kokand from deputy of the khan and were shown direct performer king authorities.

Beside kyrgyz was not no statute law, all were founded on antediluvian «adat», «narh», interpreted feudal-generic shall know at own discretion. Got certain spreading amongst kyrgyz«shariat» was also shown instrument for protection interest dominated feudal top, moslem clergy and king authorities.

But neither devastating forays, nor mastery of the conquerors has been able to force to meet with foriegn invader kyrgyz nationality. She continued to exist and live its own life.

Key words: history, ethnic, usage, oppression, population, migration, fight.

В период господства Кокандского ханства территория Киргизии была разделена на несколько податных округов, которыми управляли кокандские беки. Киргизы, кочующие в Ферганской долине, находились под властью правителей ближайших городов, платили им налоги и должны были отбывать военную службу. Большое племенное объединение адыгене, занимавшее Алайскую долину, в административном отношении было приписано к Андиганскому наместничеству и непосредственно подчинялось укреплению Кызыл-Курган, Андиганскому же округу были подчинены киргизы, кочевавшие на Тянь-Шане, по р. Нарын и в нагорье Сырт. Управлялись они укреплениями Куртка, Тогуз-Торо, Джумгал и Ат-Баши. Киргизы Чуйской и Таласской долин, а также Иссык-Кульской котловины подчинялись Ташкентскому наместничеству и управлялись из Аулие-Ата, Мерке, Ак-Су, Пишпека и Токмака. К этому же наместничеству относились киргизы Чаткальской долины и Сусамыра[1].

Однако, Кокандское ханство не установило в Киргизии твердой административной системы. В связи с перекочевкой киргизов административно-политическое разделение менялось и запутывалось, вследствие этого часто происходили стычки между сборщиками зякета отдельных округов.

В военных укреплениях, воздвигнутых на кочевьях киргизов, стояли кокандские гарнизоны, силой оружия поддерживавшие господство кокандского хана над киргизскими племенами. Крепости были местом пребывания и кокандских наместников, которые имели высшую власть над всем населением, находящимся в ведении этой крепости. Власть на местах была в руках отдельных представителей киргизской родо-племенной знати -биев- и примерно с середины XIX в.-манапов, которые были зависимы от наместников кокандского хана и являлись непосредственными исполнителями ханской власти[2].

В Киргизии, как и в других завоеванных странах, устанавливался деспотический, жестокий режим. Как справедливо отмечает кокандский историк Абу-Абейдулла Мухаммед, «киргизы и казахи Большой орды доведены кокандским наместником до отчаяния».

Кокандские военные укрепления являлись не только центрами административно-политического управления, но и главными пунктами торговли. Около них происходил обмен товаров между кокандскими купцами и киргизами.

Нельзя не заметить, что зависимость разных киргизских районов от Коканда была далеко не одинакова. Наиболее сильной властью кокандских ханов и их чиновников была над киргизами, населяющими южную часть края. На севере Киргизии она была слабее. Из северных киргизов в большей зависимости от Коканда находились чуйские и таласские киргизы. Господство кокандских ханов и их наместников наименее всего чувствовалось в отдаленных горных районах Киргизии.

Начиная с момента завоевания Киргизии Кокандским ханством, шло переселение узбеков в Киргизию. Это были главным образом торговцы и ремесленники. Первоначально они наряду с воинами заселяли крепости. Со временем начали возникать селения узбеков и около крепостей. Кокандские колонисты вокруг крепостей стали возделывать пашни, разводить фруктовые сады и т. д. К середине XIX в. в Пишпекке насчитывалось около 1000 дворов, в Куртке - до 400, в Токмаке - до 200, а в Тогуз-Торо, Джумгале и Кара-Балте - до 100 дворов узбеков в каждом[3].

Чтобы обеспечить повиновение местного населения, кокандские беки держали в некоторых крупных укреплениях «аманатов» (заложников) из числа сыновей или близких родственников влиятельных биев и манаров, а также назначили «ильбеги» которые, находясь непосредственно в среде того или иного родового объединения, принимали участие в судебных делах и собирали с провинившихся одну треть часть айыпа (штрафа) в пользу хана. Ильбеги, наблюдая за политическим поведением кочевников, старались сохранить «порядок» в кочевьях данного рода[4].

В Куртке, Дарут-Кургане, Пишпекке и некоторых других военных укреплениях ежегодно созывался «топ» (съезд) крупных манаров и биев. Съездом руководил кокандский наместник, который имел право отстранять от управления тем или иным родовым племенным объединением негодных ему лиц и назначать на их места других. На съезде решались межплеменные и межродовые споры, а также другие политические вопросы. Такие съезды считались одновременно и судебными.

Тяжелые налоги кокандского правительства, всевозможные поборы и произвол кокандских феодалов и киргизских биев и манаров заставляли массу кочевников оставлять свои обычные места и откочевывать в отдаленные глухие горные ущелья.

Для поддержания власти хана применялось и прямое насилие. В крепостях были построены «зинданы»-тюрьмы-колодцы.

Для укрепления господства Кокандского ханства и обеспечения получения налогов коменданты кокандских крепостей всячески разжигали между-

усобные войны киргизских феодалов, от которых страдали прежде всего трудовые массы.

Невыносимо тяжелой для киргизского народа была налоговая политика кокандского хана. Киргизы, особенно населявшие Южную Киргизию, попав под власть Кокандского ханства, подобно узбекским трудовым массам, облагались различными поборами и податями. Количество налогов, взимаемых с них, продолжало расти с каждым годом. Если в 30-40-х годах XIX в. киргизы в основном платили три вида податей: «тундукзакет», «алалзакет» и «харадж», то в 50-60-х годах - уже более 20 видов[5].

Помимо поборов и податей, местное население обязано было снабжать продуктами кокандские гарнизоны, поставлять скот и хлеб представителям ханской власти, кормить сборщиков податей и т. п.

Ханские сборщики, как правило, старались собрать налог больше установленной нормы, ибо скот и деньги, взятые у населения сверх нормы, шли в их карман. Они принуждали трудящихся делать им подарки и приношения. Бедняки, уклоняющиеся от приношений, подвергались разным обвинениям, для них увеличивалось количество налогов и сокращались сроки их уплаты.

Особенно жестоко опустошались кокандскими сборщиками налогов районы, где происходили народные волнения против ханского налогового гнета и те айлы, а также и кыштаки, жители которых открыто выражали недовольство феодально-ханской эксплуатацией. Ханские представители, грабя и разоряя эти айлы и кыштаки, брали все, что попадало им под руку. Они угоняли табуны лошадей, отары овец и стада коров. Сборы податей в этих районах отмечались кровавыми насилиями сборщиков.

Основная тяжесть налогового гнета ложилась на плечи трудовых масс. Значительная часть феодальной знати тем или другим путем освобождалась от ханских налогов или выплачивала их неполностью. Некоторые киргизские манары и бии не только не платили налогов, а наоборот, наживались за счет поборов и податей, собираемых с местного населения. Не случайно они оказывали содействие и помощь представителям Коканда в сборе налогов.

Киргизы-бедняки, совершенно разоренные непомерными налогами, нередко нападали на ханских сборщиков, отнимая у них собранные скот, имущество и деньги, иногда убивали сборщиков. Ввиду участившихся нападений киргизов на сборщиков налогов и уклонения местного населения от податей и поборов кокандские ханы посылали большие вооруженные военные отряды, которые жестоко наказывали «повинных» неплательщиков и недоимщиков.

Наряду с указанными выше налогами рядовые киргизы юга, подобно узбекским трудящимся, выполняли разные феодальные повинности. Они вместе с узбеками сооружали новые каналы, ремонтировали оросительные системы, помещения и хозяйственные постройки, чинили дороги, мосты, строили дворцы и крепости, выполняли полевые работы и т. п. Условия

были чрезмерно трудные. Работников не кормили и не обеспечивали орудиями труда. В своей одежде, со своими орудиями труда и продуктами питания целыми месяцами трудились бедняки у хана и других крупных феодалов, ничего не получая за это. Опоздавших или не выходящих на работу ждали пытки. Многие умирали от голода и болезней.

Тяжелым гнетом ложилась на трудящихся узбеков и киргизов (в частности, южных) служба в ханских войсках. Определенного срока службы не было. В мирное время южные киргизы обязаны были представить для службы в ханских войсках 5000 всадников. В военный период из числа киргизов дополнительно набиралось воинов столько, сколько требовалось кокандским ханам для ведения войны. А между среднеазиатскими ханствами происходили почти непрерывные столкновения, что требовало немалого числа воинов.

Военная служба проходила в тяжелых условиях. В случае смерти воинов их семьям не оказывалось никакой помощи. Уклоняться же от военной службы было нельзя. В случае отказа люди подвергались жестоким наказаниям и нередко лишались жизни. Феодалная знать всегда могла откупиться от воинской повинности, а если и служила, то занимала командное положение.

Киргизские трудовые массы эксплуатировались и кокандскими купцами. Кокандские торговцы, приезжая в киргизские кочевья, продавали недоброкачественные товары по высоким ценам и получали баснословную прибыль. Они обманывали бедняков, обменивали безделушки на скот (продавали бусы, серьги и другую мелочь за целого барана). В реализации товаров кокандским купцам значительную помощь оказывала местная феодалная знать. Торговцы, приезжавшие из Кокандского ханства, часто обращались к манапам и местным бекам за содействием в продаже товаров. Услуги эти обычно вознаграждались подарками.

Оседлые и полуседлые киргизы вытеснялись из плодородной Ферганской долины. Начиная с первого же кокандского хана, земли киргизов систематически захватывались и передавались узбекским крупным феодалам. Дыйкане, лишённые земли, вынуждены были работать в самых тяжелых условиях, арендуя свою же землю у новых хозяев. Часть дыйкан, оттеснённая из плодородной Ферганской долины, переселялась в горные районы Алая, Гульчи, Памира и Чаткала, где стала обслуживать хозяйства крупных скотоводов[6].

Вытеснение киргизов из наиболее богатых районов Ферганской долины разорило широкие массы коренного населения и усилило среди них социальную дифференциацию.

Кокандские ханы, завоевав Киргизию, усиливали влияние ислама среди киргизов с целью использования его в качестве орудия эксплуатации местных трудящихся. Проповедниками ислама в Киргизии являлись кокандские муллы, ишаны, калпы и ходжи. Немалую роль здесь играла и местная знать,

по-своему в этом заинтересованная. Кокандские ханы и их наместники старались при помощи ислама держать трудовые массы в повиновении. Распространение и усиление ислама на территории Киргизии было неодинаковым. Южные киргизы в результате систематической обработки муллами оказались под большим влиянием ислама. В пользу духовенства платились битир и ушур[7].

Недовольство среди трудящихся киргизов политикой Кокандского ханства непрерывно нарастало. Оно направлялось не только против кокандских властей, но и против киргизских манапов и биев. Это и понятно. Вместе с кокандскими ханами и феодалами заодно действовали и киргизские бии и манапы, которые держали в своих руках не только местное управление, но иногда занимали и высшие посты в органах государственной власти. Так, Алымбек, получивший от хана звание датхи, занимал высокую должность визиря в Коканде и имел большое влияние в ханском дворце. После смерти Алымбска его жена Курманджан заняла место своего мужа. От кокандского хана Худояра за свои заслуги она также получила высокое звание датхи. Ее старший сын Абдуллабек с 1865 г. занимал должность хакима Ошского вилайета[8].

Начиная с 40-х годов XIX в. и почти до падения Кокандского ханства должность минбаши (или льяш-карибеги) - главнокомандующего ханскими войсками - занимали представители феодалной верхушки кочевого кыпчакского и киргизского населения[9]. Они стремились воспользоваться недовольством трудящихся киргизов и узбеков и взять власть в Коканде в свои руки, что им нередко и удавалось. Но это вызывало сильное сопротивление со стороны узбекской знати во главе с самим ханом, не желавшим упускать власти.

Вообще борьба между феодалной верхушкой кыпчакско-киргизских кочевых племен и узбеков за власть шла почти все время, с некоторыми перерывами. Историю Кокандского ханства можно назвать историей феодалных междоусобиц.

Борьба между знатью кочевых и оседлых народов за власть разоряла хозяйства и трудящихся киргизов и узбеков и сопровождалась немалыми человеческими жертвами. Кокандские ханы в целях ослабления совместной борьбы узбекских и киргизских трудящихся стремились разжечь вражду между этими братскими народами. Киргизская феодалная верхушка, претендуя на высокие должности в ханском дворце и соперничая с кокандскими высокопоставленными лицами, тоже пыталась поднять на борьбу всех своих сородичей, преследуя свои корыстные цели.

Но трудящиеся узбеки и киргизы теснее сплачивались, объединялись для борьбы против угнетателей. У них были общие враги в лице ханов и других феодалов, были одна цель и одно стремление - уничтожение феодално-ханской эксплуатации.

Кроме того, народы имели много общего в экономике, культуре, а также в быте, обычаях и нравах,

так как находясь по соседству, они оказывали взаимное влияние друг на друга.

Период господства Кокандского ханства был мучительным и тяжелым временем для киргизского народа. В результате двойного гнета трудовые массы все больше нищали, вымирали от голода и различных болезней. Люди не были уверены в завтрашнем дне. Им постоянно и неотступно грозили жестокие избиения, заключение в зиндан, пытки и казни.

У киргизов не было никакого писаного закона, все основывалось на допотопных «адате», «шариате», толковавшихся феодально-родовой знатью по своему усмотрению. Получивший некоторое распространение среди киргизов «шариат» также являлся орудием для защиты интересов господствовавшей феодальной верхушки, мусульманского духовенства и ханской власти.

Но ни разорительные набеги, ни господство завоевателей не смогли заставить слиться с чужеземными захватчиками киргизскую народность. Она

продолжала существовать и жить своей собственной жизнью.

Литература:

1. Худяков Ю.С. Киргизы на просторах Азии. Б., 1995, с. 6-17.
2. Хрестоматия по истории дипломатии Кыргызстана с древнейших времен до конца XIX в. Б., 2007, с. 15-18
3. Брук С.И. Население мира. М., 1986, с. 23-24.
4. Народы Средней Азии и Казахстана (под ред. С.П. Толстова, Т.А. Жданко, С.М. Абрамзона). М., 1963, с.48-53
5. Усенбаев К. Народные движения Средней Азии в XIX веке (По материалам Кыргызстана).- Бишкек-Ош,1998, с. 52-54.
6. Хрестоматия по истории дипломатии Кыргызстана с древнейших времен до конца XIX в. Б., 2007, с. 34-37.
7. Народы Средней Азии и Казахстана (под ред. С.П. Толстова, Т.А. Жданко, С.М. Абрамзона). М., 1963, с.60-61
8. Там же, с. 69.
9. Худяков Ю.С. Киргизы на просторах Азии. Б., 1995, с. 30-32.

Рецензент: д.и.н., профессор Каратаев О.К.